

УДК 821.161.1:94(470.5)

DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-3-112-125

Потапова Евгения Владимировна

ассистент научно-образовательного центра «Цифровая гуманитаристика» УГИ УрФУ (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0001-5200-508X

E-mail: jenni_p@mail.ru

Эго-документы П. П. Бажова: размышления о взаимосвязи места и времени (на материале «рабочих» записей и писем)

АННОТАЦИЯ. Исследование посвящено концепции места и времени в «рабочих» записях и письмах Павла Бажова и связи этой концепции с «биографической легендой» писателя. В неопубликованном эго-документе «для себя» («рабочие» записи) рассматриваются фрагменты, в которых Бажов изучает краеведческую литературу, высказывается о роли истории и историзма в художественных текстах, в разные периоды жизни и деятельности (преподавание, политическая работа во время гражданской войны, журналистика) подмечает детали окружающего мира, которые и являются частью истории для писателя. Полученные данные сопоставляются с эпистолярием писателя, выявляются основные различия между эго-документом «для себя» и «для других»: наличие / отсутствие ограничений фигурой адресата, степень детальности / обобщенности рассуждений об истории и о пространстве. Выборка эго-документов, в которых присутствуют определенная географическая «привязка» и рассуждения о месте и времени, позволяет расширить представление о Павле Бажове: от известной «биографической легенды», согласно которой он является «гением места» (биография как интерпретация), до писателя как «человека путешествующего», «историка» и «сказочника», фиксирующего каждую деталь окружающего мира для того, чтобы сохранить «текст жизни» во всей его полноте и достоверности (биография как высказывание).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: П. П. Бажов, эго-документы, «рабочие» записи, историзм, биографический миф, историко-литературный процесс

Для цитирования: Потапова Е. В. Эго-документы П. П. Бажова: размышления о взаимосвязи места и времени (на материале «рабочих» записей и писем) // Историко-географический журнал. 2025. Т. 4, № 3. С. 112–125. DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-3-112-125.

Поступила в редакцию 25.02.2025

Принята к публикации 12.08.2025

UDC 821.161.1:94(470.5)

DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-3-112-125

Evgeniia V. Potapova

Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0001-5200-508X

E-mail: jenni_p@mail.ru

P. P. Bazhov's Ego-documents: Reflections on the Relationship between Place and Time (Based on the Material of «Working» Notes and Letters)

ABSTRACT. The research is devoted to the concept of place and time in Pavel Bazhov's «working» notes and letters and the connection of this concept with the writer's «biographical legend». In an unpublished ego-document «for himself» («working» notes) the article examines fragments in which Bazhov studies local history literature, speaks on the role of history and historicism in literary texts, and notices details of the surrounding world in different periods of his life and work (teaching, political work during the civil war, journalism), which are part of history for the writer. The data obtained are compared with the writer's epistolary, the main differences between the ego-document «for himself» and «for others» are revealed: the presence / absence of restrictions by the addressee's figure, the degree of detail / generalization of arguments about history and space. A selection of ego-documents, which contain a certain geographical "reference" and arguments about place and time, allows expanding the notion of Pavel Bazhov: from the famous «biographical legend», according to which he is a «genius loci» (biography as an interpretation), to the writer as a «homo viator», «historian» and a «storyteller» who captures every detail of the surrounding world in order to preserve the «text of life» in all its completeness and authenticity (biography as a statement).

KEYWORDS: P. P. Bazhov, ego-documents, «working» notes, historicism, biographical myth, historical and literary process

For citation: Potapova E. V. [P. P. Bazhov's Ego-Documents: Reflections on the Relationship between Place and Time (Based on the Material of «Working» Notes and Letters)]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2025, vol. 4, no. 3, pp. 112–125. DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-3-112-125 (In Russian).

Received 25 February 2025

Accepted 12 August 2025

Тема предложенной статьи напрямую связана с концепцией «биографической легенды»¹ (Б. Томашевский), формирование которой основывается на двух полюсах: *биографии как интерпретации* и *биографии как высказывания*. Биография писателя как предмет научного исследования трактуется в этих двух направлениях следующим образом: 1) как текст, являющийся *интерпретацией* жизненного пути «со стороны» — современниками, потомками (в том числе исследователями); 2) как «текст жизни» (Ю. Лотман), являющийся сообщением самого писателя по отношению к другим людям, которые, в свою очередь, оказываются в роли адресата². Представленное исследование связано с *биографией как высказыванием* на страницах эго-документов Бажова: с одной стороны, мы анализируем тексты с очевидной интенциональностью, ориентацией на адресата (корпус опубликованных писем), с другой стороны — «рабочие» записи, иначе говоря — эго-документы «для себя», которые не предназначались для чтения третьими лицами и еще не были опубликованы.

На наш взгляд, именно взаимодополняющее изучение подобных источников с разной прагматикой и установкой на адресата (или же ее отсутствием) позволяет изучать такой сложный и неординарный феномен, как биографическая легенда Павла Бажова. Дело в том, что как нарратив для широкой публики биография уральского писателя с течением времени меняется — в рассказе о его жизни в определенные исторические эпохи смещаются акценты: раз за разом академическое литературоведение предлагало массовому читателю тот или иной вариант прочтения жизни уральского «сказителя» (от дедушки-сказочника до советского правовежного писателя³). Один из вариантов такой интерпретации — *genius loci* Урала — ярко отражен, к примеру, в текстах Майи Никулиной, в которых Бажов соотносится даже не с коллегами по цеху, а с «рудными горами, чудскими копиями и самоцветными россыпями», ассоциирующимися с уральской землей⁴. Подобная трактовка образа писателя, безусловно, не только не противоречит реальности, но и активно транслируется в «поле литературы». Однако именно четкая фиксация на привязке Бажова к определенной локации (Урал) и даже времени (сказовому и потому дистанцированному от читателя) затмевает многие элементы его биографии, в которой есть место и путешествиям, и историческим изысканиям, во многом сформировавшим творческую стратегию писателя. Парадокс биографии Бажова заключается в том, что он, будучи *гением места* в глазах интерпретаторов его жизни и творчества, был при этом и *человеком путешествующим*, что ярко проступает уже в эго-документах — «рабочих»⁵ записях и письмах: текстах, которые являются ключом к реконструкции *непроявленной* биографии писателя⁶, поэтому в рамках предложенного исследования мы обратимся к тем фрагментам эго-документов Бажова, в которых так или иначе присутствует географическая «привязка».

«Рабочие» записи, включающие упоминание конкретной локации и сопутствующих ей деталей, можно разделить на несколько групп:

- 1) заметки, иногда обширные цитаты из книг про ту или иную локацию — тексты, в которых Бажов предстает перед читателем как краевед;
- 2) записи времен Гражданской войны, забросившей писателя в Сибирь;
- 3) записи Бажова на Рудном Алтае в Усть-Каменогорске;
- 4) записи Бажова, являющиеся черновыми набросками либо к статьям, которые журналист

¹ Томашевский Б. В. Литература и биография // Книга и революция. 1923. № 4 (28). С. 6–9.

² См., напр.: Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя: Пособие для учащихся. Л.: Просвещение, 1983; Лотман Ю. М. Биография как искусство // Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/materials/2388> (дата обращения: 20.03.2025).

³ Литовская М. А. Образ П. П. Бажова в современных российских СМИ: биографический поворот // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 2 (198). С. 138–150.

⁴ Никулина М. П. Про земельные дела и про тайную силу...(о дальних истоках уральской мифологии П. П. Бажова) // Филологический класс. № 9. 2003. С. 76.

⁵ Мы берем определение «рабочие» в кавычки, поскольку оно является исследовательским, а не авторским — сам Бажов никогда не объединял эти записи в единое концептуальное текстовое пространство. Цитируя фрагменты из архивных источников, мы сохраняем пунктуацию и орфографию автора.

⁶ Литовская М. А. Письма и «рабочие записи» П. П. Бажова: меняет ли «вброс» эго-текстов легендированную биографию писателя? // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах: [коллективная монография] / под ред. М. А. Литовской и Н. В. Суржиковой. М.; Екатеринбург, 2021. С. 119–143.

публиковал в «по горячим следам» в «Крестьянской газете», либо к очеркам из «Уральских былей»;

- 5) художественные очерки, среди которых есть как словесные портреты (о случайных попутчиках, например), так и описание значимых для страны институций (Камский целлюлозно-бумажный комбинат, Камышловский кирпичный завод, Губкинское техническое училище и т. п.).

Указанные «географические» записи интересны не только с точки зрения таксономии, но и, что важнее, в аспекте бажовской концепции взаимосвязи, комплементарности места и времени. В письмах Бажов пишет об этом неоднократно. К примеру, в письме А. С. Мякишеву 1945 г. Бажов отмечает: «Исторические вещи требуют более глубокого знакомства со всеми мелочами того времени, которое описываете»⁷. Изучение его «рабочих» записей — возможность изнутри взглянуть на формирования бажовского творческого метода, на умение в каждом определенном месте подметить детали, которые и будут формировать историю.

БАЖОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ-КРАЕВЕД

Обратимся к «рабочим» записям, в которых прослеживается подход П. П. Бажова к литературе краеведческого характера. К примеру, на нескольких страницах записей Бажов дословно цитирует фрагменты из 16 тома издания «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей»⁸, выпущенного из печати под редакцией С. Тян-Шанского. Бажов конспектирует фрагмент, посвященный сукноделательной фабрике в одной из деревень, скрупулезно указывая страницу: «Товар сбывается в Томске, на Ирбит. ярмарке и на месте. На фабрике работают преимущественно ссыльные, нанимаются словесно без контрактов и пользуются бесплатными квартирами в одноэтажных деревянных домах, расположенных при фабрике. При фабрике есть больница, аптека и фельдшер. Стр. 381»⁹. Такая внимательная работа с источником, не раз встречающаяся в корпусе «рабочих» записей, и обусловила тон, которым Бажов говорил о краеведческой литературе в письмах, например, Л. И. Апарникову: «Относительно того, что читать по истории культуры Урала, ответить трудно. Можно, конечно, перечислить немало книг, но все это более или менее случайно, не всегда научно, а иногда и вовсе спорно. Вернее сказать, что ничего фундаментального по истории культуры Урала нет»¹⁰. Благодаря бажовским записям мы можем увидеть, что подобное категоричное высказывание появилось в письме явно не для того, чтобы выставить себя в образе «знатока» — за такой оценкой скрывалась обстоятельная работа, которая осложнялась к тому же тяжестью физического переписывания страницы за страницей из-за плохого зрения.

При этом в письмах Бажов открыто говорит о том, что изучать край, опираясь только на литературу (в том числе учебную), писатель или поэт не может себе позволить. В этом отношении показательным является письмо к Л. Татьяничевой от 26 июля 1945 г., в котором упоминается цитируемое Бажовым издание: «Вчера прочитал в “Огоньке” Ваши стихи. От души поздравляю с выходом на широкое плесо, каким, бесспорно, является этот журнал. Умненько выбран портрет, хорошо, что редакция взяла стихи с “преобладанием областного колорита”. Пусть-ка кой-кто из составителей поэм и баллад об Урале поглядит, как можно писать о нем, когда его любишь и знаешь не только по книжке Семёнова-Тян-Шанского (курсив мой. — Е. П.), когда его видишь вплотную, а не из окна вагона да во время переходов из центральных гостиниц в другие центральные учреждения областных городов»¹¹. Сам Бажов этой концепции придерживается, и потому в его «рабочих» записях появятся попытки взглянуть на Урал «вплотную» — с помощью периодических изданий.

Как историк и теоретик Бажов выписывает в «рабочие» блокноты и информацию из прессы об уральских населенных пунктах в период 1917–1918 гг. и из дел Партархива и архива Истпарта

⁷ Бажов П. П. Письма. 1911–1950 / сост. Г. А. Григорьев, Л. С. Григорьева. М.: Екатеринбург, 2018. С. 245.

⁸ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. В 19 т. СПб.: изд. А. Ф. Девриена. Т. 16: Западная Сибирь: [Тобольская и Томская губернии] / сост. И. П. Толмачев [и др.]. 1907. VIII, 591 с.

⁹ ОМПУ НФ 8127. Л. 1.

¹⁰ Бажов П. П. Указ. соч. С. 430.

¹¹ Там же. С. 246.

за 1905–1908 г. Например, Бажов довольно обширно конспектирует отдельные статьи газеты «Народная мысль»¹² (рис. 1), структурируя данные в импровизированной таблице и отмечая выходные данные каждого номера:

Рис. 1. Фрагмент выпуска газеты «Народная мысль» от 24 сентября 1917 г. (№ 12)
Fig. 1. Fragment of the issue of the newspaper *Narodnaya myсль* (Public Thought) dated September 24, 1917 (No. 12)

«Из ст. «К вопросу о точномъ ученье земледелия в Шадринскомъ уезде» («Народная мысль» 24 сент. 17 г., № 12).

Надѣльная крестьян. земля	1 427.615,80 д.	1 427.615,80
Казен лес и оброч. ст		222.418,20
Земли част. влад.		4.718,50
Церковные		9.512,50
Городские		9.179,90
	Всего	1.678.109,70» ¹³

При этом важно, что в пространстве «рабочих» записей такая «теоретическая» составляющая есть не только в заметках про Урал. Например, будучи в Абхазии на отдыхе в 1948 г. (или, возможно, постфактум), Бажов конспектирует издание «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитских монастырь»¹⁴:

«В книге помещены

- 1) Географический очерк Абхазии (19–64 стр.).
- 2) Исторический очерк Абхазии (65–) Подразделен на части.

¹² «Народная мысль» — социалистическая газета, издаваемая в Шадринске в 1917 г.

¹³ Народная мысль: социалистическая народная газета. 1917. № 12. 24 сентября. С. 2.

¹⁴ Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитских монастырь: Абхазия и ее христианские древности: [в 2 ч.] / сост. архим. Л. М., 1885. Ч. 1. 143 с.

II — судьбы христианства в Абхазии

III — памятник христианства в Абхазии»¹⁵.

Наряду с документальной фиксацией конкретных деталей Бажов рассуждает об исторической концепции издания и нацеленности на читателя с определенными запросами: «Составитель книги усиленно выпячивает по понятным причинам церковь Симона Канонита, говорит об его могиле, а также о “богозданной” пещере, где он будто бы жив. Все это шито белыми нитками и не представляет интереса, кроме того, лишний раз подтверждает, как *бесцеремонно обращались с историей, когда можно было извлечь денежную выгоду* (курсив мой. — Е. П.)»¹⁶. Такая заметка, с Уралом вообще не связанная, позволяет говорить о том, что для Бажова изучение пространства и, как следствие, его истории — не только стратегия, важная для творческого метода писателя, но и способ постижения и осмысления мира в целом, в том числе тех мест, которые в художественных текстах освещены не будут.

Свое внимание к истории как необходимой части нарратива об определенном месте Бажов сохраняет и последовательно транслирует не только в записях, но и в письмах. К примеру, в 1945 г. уже упомянутом письме А. С. Мякишеву Бажов говорит практически то же самое: «...часто история подавалась людьми, имевшими прямое отношение к правившим тогда группам, и поэтому, естественно, отражала в выгодном свете лишь то, что интересовало читателя того времени и определенной классовой принадлежности»¹⁷. Следует отметить, что в письмах, в отличие от «рабочих» записей, Бажов говорит о краеведении и истории края достаточно обобщенно: это обусловлено ограничениями, которые на него налагает жанр письма как таковой — адресату не требуется знать всех сведений, собранных со страниц историко-краеведческих трудов. В то же время в «рабочих» записях фигура адресата просто не предполагается, из-за чего, с одной стороны, может возникать ощущение разрозненности записей, но, с другой стороны, такая разобщенность позволяет увидеть стратегию работы Бажова с *историей* (не столь важно, будет это история Урала или любой другой точки земного шара): это внимательная работа с источниками, работа, в которой важно не столько бажовское авторское «я» (в рассмотренных записях оно просто отсутствует), сколько детали, формирующие исторический нарратив.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОЧЕРК: РОЛЬ ГЕОГРАФИИ И ИСТОРИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА «ГЕНИЯ МЕСТА»

Для Бажова взаимосвязь места и времени в художественном тексте была обязательным условием, и потому закономерно, что в одном из писем он советовал людям, «имеющим склонность к литературным занятиям», поступление на филологический или исторический факультет¹⁸. В письме к Евгению Пермяку в 1941 г. Бажов говорит уже про себя: «В отношении историко-этнографическом, видимо, я безнадежен, так как считал и продолжаю считать, что художественная правда полноценна лишь при условии, что она дается с основными признаками *места и времени* (курсив мой. — Е. П.)»¹⁹. Именно поэтому при обнаружении «неполноценности» художественной правды в различных текстах писатель позволяет себе меткие и однозначные высказывания: рассказ «Отец Панасий» А. С. Мякишева становится для Бажова «полной несуразностью», а рассуждая об «исторических нонсенсах» в романе Ивана Костылева «Иван Грозный», Бажов начинает говорить об «исторической девственности»²⁰; одну из статей в «Уральском рабочем», в которой видит противоречия, называет «соединением самоуверенного тона с чисто детской наивностью в истории»²¹. Отдельно Бажов упоминает про роман Е. Федорова «Демидовы»: исторические неточности оказываются «святыми из несуществующего уральского дуба, на которых держится вся легкость романа»²². Эти же рассуждения Бажов дополняет уже в «рабочих» записях, причем про тот же текст:

«В чем трудность?

¹⁵ ОМПУ КП 25322. Ф. 2. Оп. 3. Д. 273. Л. 2–3.

¹⁶ ОМПУ КП 25322. Ф. 2. Оп. 3. Д. 273. Л. 5–6.

¹⁷ Бажов П. П. Указ. соч. С. 245–246.

¹⁸ Там же. С. 351.

¹⁹ Там же. С. 146.

²⁰ Там же. С. 366.

²¹ Там же. С. 269–270.

²² Там же. С. 274.

Характеристика тематики писателей и журналистов. Одним недостает чувства современности, другим мешает связанность и перегрузка публицистическим элементом. Чем объясняется *перегрузка историзмом* (здесь и далее курсив мой. — Е. П.). Наиболее легкий вид, но лишь потому, что многое принимается на веру. Сказывается и *недостаток исторической подготовки читателей*. Пример, [«]Демидовы[»] Евг. Федорова»²³.

«Рабочие» записи, несмотря на то, что не предназначены для чтения кем-либо со стороны, воплощают, как и письма, концепцию неразрывной связи художественного текста и исторической точности применительно не только к роману Федорова, но и к любому литературному тексту, который Бажову встречается. В этих записях точно так же четко проступает категоричность и неприятие поверхностного отношения к истории. К примеру, во время читки пьесы Н. Виноградова в 1933 г. писателя «бьет по носу легкомысленное отношение к исторической действительности»²⁴, в другом рабочем блокноте он рассуждает о «неверной целевой установке старого краеведения и “историзма”»²⁵. При наличии объемного корпуса писем, в которых Бажов рассуждает о литературе, закономерно обратиться к примерам художественных текстов в пространстве «рабочих» записей писателя.

Помимо исторических и краеведческих поисков Бажова на страницах периодики и научных изданий в «рабочих» записях воплотился жанр художественного очерка, тесно связанного с образом «гения места» и/или значимой для страны институции или предприятия. Таков, к примеру, очерк об Алексее Семеновиче Губкине и основанном им училище. Неопубликованный фрагмент во многом следует сюжетному канону жанра притчи, согласно которому герой, достигнув материального благополучия и преклонного возраста, осознает, что «живет неправильно»:

«Начало этому делу в Кунгуре считать надо.

<...>

На все, можно сказать, государство загремел Алексей Губкин. Не то что по ближним городам, а и в Москве и тогдашнем Питере его магазины появились. Одним словом, раздулся дальше некуда.

Ну, вот... Жил, *жил*²⁶, богател, а старость-то на это не поглядела, подошла да и говорит:

— Не пора ли, Алексей Иванович, на твое дело кого помоложе ставить? Остарел ведь. То проглядел, это забыл! Непорядок это»²⁷.

Финал очерка репрезентирует Губкина как человека, благородные поступки которого способны «пристыдить» власть имущих: «Как Губкин устроил училище в Кунгуре, владельцам заводским, *ви<д>но, мал<е>нько стыдно стало, что чайный торговец о технике побеспокоился, они и припаились к готовому, на заводской счет стали по ученику, по два содержать*»²⁸. Губкин в этом тексте изображается как своеобразный «гений места» — человек, который стал зачинателем важного для территории предприятия и, как следствие, дал возможность многим молодым людям реализовать себя — и для Бажова важно не столько возвеличить его фигуру, сколько рассказать об училище как таковом.

Фигура «гения места» проступает у Бажова и в письмах. Ожидаемо, что эту формулу Бажов применяет вновь не к самому себе, а к другим людям. В частности, к Д. Н. Мамину-Сибиряку, который во многом стал для Бажова ориентиром²⁹. В одном из писем начала 1940-х гг., как и в очерках, проступает прагматизм писателя — ему важно отразить значение личности в истории конкретного места, с которым эта личность связана: «Докладчик я липовый и плохослышимый, но в надежде на снисходительное отношение молодежи к моим “ораторским” качествам попытаюсь рассказать о творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка <...> чем оно [творчество Д. Н. Мамина-

²³ ОМПУ КП 23188. Ф. 2. Оп. 3. Д. 244. Л. 1.

²⁴ ОМПУ КП 25278. Ф. 2. Оп. 3. Д. 205. Л. 23. Об.

²⁵ ОМПУ КП 23157. Ф. 2. Оп. 3. Д. 217. Л. 3. Об.

²⁶ Здесь и далее подчеркивания принадлежат автору записи.

²⁷ ОМПУ НФ 8117. Ф. 2. Оп. 3. Д. 240. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 4.

²⁹ Важно отметить, что первый опубликованный текст П. П. Бажова был посвящен творчеству Мамина-Сибиряка. См.: Бажов П. П. Д. Н. Мамин-Сибиряк как писатель для детей // Екатеринбург. Епархиальные ведомости. 1913. 12 мая (№ 19). С. 493–500.

Сибиряка. — Е. П.] ценно для нас на сегодня, и что, в частности, следовало бы сделать молодежи Висима, с которым писатель был связан не только по рождению, но и по творчеству»³⁰.

По схожей модели строится незавершенный художественный очерк, посвященный камышловскому кирпичному заводу. Герой очерка Степан Ошивалов задается вопросом о том, почему его посылают не на уборочную кампанию, а на завод, на что получает ответ: «Разве не знаешь? Не читал в газетах? Кирпич такой там делают, особенный»³¹. Притчевое и нравоучительное начало таких очерков подкрепляется чертами «сказочного» сюжета: Губкин, по наущению советчиков, приходит к верному решению с третьей попытки (открыть именно училище, а не приют или церковь), а Степан исполняет свою мечту: «...трепзавод не совсем обычные кирпичные сараи, что это чуть не строительный гигант... Поработать <нрзб.> на каком-нибудь большом заводе было <нрзб.> мечтой Ошивалова... И чем больше он слышал о многолюдстве на трепзаводе, о больших постройках, тем выше поднималось настроение»³². Это очерки, в которых главный герой задается вопросами (Как увековечить свою память? Почему надо ехать работать на завод?) и в конце концов получает на них ответ, и это не вступает в противоречие с фактологической точностью.

Взаимосвязь места и истории воплотилась и в художественных очерках, в которых Бажов в дневниковой манере описывает путешествия. К примеру, в путевой заметке по пути в Тавду. В одной из записей, имеющей подзаголовок «Отслоения дней» (так Бажов именовал дневниковые записи, содержащие конкретную дату), внимание пишущего сконцентрировано на попутчике, дневник здесь выступает как «свидетель-профессионал» (термин М. Ю. Михеева), но практически не транслирует текст «про себя» (текст приводится в авторской орфографии и пунктуации): «Ехал этот пассажир в другой части вагона. После Туринска перебрался, на освободившуюся скамейку напротив. Багажа у него один только, но, видимо, тяжелый мешок, засунутый под скамейку. Попытки заговорить с нами этот пассажир делал не раз, но не удачно. Когда мой спутник фотограф выражал вслух свой восторг перед тем или другим лесным дивом он начинал бубнить. <...> Теперь, когда глаз в известной мере насытился красотой нетронутого леса, захотелось узнать, что это за человек, почему он ершом топырится и слизь по всякому поводу пускает»³³. Схожий жанр проступает и в письмах Бажова. К примеру, в одном из писем к Е. А. Пермяку писатель ярко описывает случайного старика: «Около Кирги привлек внимание какой-то старик. Он с остервенением матерился в репу, в науку, в агрономову мать и в другие самые неожиданные предметы»³⁴.

Художественные очерки посвящены и Камскому целлюлозно-бумажному комбинату: Бажов был отправлен туда по заданию УралОгиза. В записях присутствуют словесные портреты членов бригады комбината, явно не лишённые художественного начала: «Череповицын, зовут его в бригаде Сашей. Говорят, что он финн, но этого не заметишь. По внешнему виду он похож на ухаря-парня, какие обыкновенно ходили по деревням во главе молодежной группы с гармошкой. Так и представляется красная рубаша, плисовые шаровары, фуражка, сдвинутая на затылок, клочок кудрявых волос над широким лбом, грудь колесом, широкие плечи»³⁵. Такая детализация сочетается с явной установкой Бажова на конструирование образа «гения места» — простого труженика, сопричастного к появлению значимой для страны институции. В письме сотрудникам редакции газеты «Звезда» (г. Пермь), которые входили в авторский коллектив сборника о Камбумстрое, при разговоре о брошюрах, репрезентирующих ход строительства комбината, это четко прослеживается: «Отсюда при подборе материала приходится иметь в виду не столько историю строительства во всем ее объеме, сколько очередные задачи и ближайшие перспективы. При чем подбор этот должен вестись так, чтобы он в какой-то мере содействовал мобилизации масс на повышение темпов строительства»³⁶. В «рабочих» записях при описании значимого, по мнению писателя, предприятия Бажов неизменно обращается к словесному портрету простого человека,

³⁰ Бажов П. П. Письма... С. 153.

³¹ ОМПУ НВФ 8106. Ф. 2. Оп. 3. Д. 226. Л. 2

³² ОМПУ НВФ 8106. Ф. 2. Оп. 3. Д. 226. Л. 4. Об.

³³ ОМПУ НВФ 8109. Ф. 2. Оп. 3. Д. 231. Л. 2.

³⁴ Бажов П. П. Письма... С. 219.

³⁵ ОМПУ КП 25318. Л. 3.

³⁶ Бажов П. П. Письма... С. 73.

который на этом предприятии трудится, — в эго-документах «для себя» Бажову принципиально важно отобразить «человека трудящегося», который и становится для него «гением места». При описании такого героя Бажов не скупится на подробности, которые, на первый взгляд, не несут идейной нагрузки, но на деле оказываются теми самыми маленькими деталями, формирующими историческую правдоподобность, важную для Бажова при написании любого текста.

В этой связи интересно, как проявлялась подобная концепция взаимосвязи *места* и *истории* в рассуждениях Бажова о собственном творчестве. Говоря о создании художественного мира и рассуждая о работе над собственными сказами в сравнении с литературой других народов, он объясняет мотивировку введения в сказы такого персонажа, как Великий Полоз: «Зачем марийцам Полоз, когда они в своей исторической жизни никогда золотоискательством не занимались. У них должны быть другие герои, другие фантастические существа»³⁷. Таким образом, введение фантастических персонажей в художественный текст (и в сказах, и в художественных очерках на страницах «рабочих» записей) не является для Бажова противоречием исторической достоверности: такое противоречие, по его мнению, возможно в том случае, если персонажи не соответствуют истории народа и его коллективной памяти. Именно поэтому в одном из писем Бажов называет себя «историком и сказочником», а в другом — явно оскорбляется отказом взять за основу сценария фильма «Ермаковы лебеди» его сказ, который противопоставляют «историческому Ермаку» (по мнению Бажова, противоречия такого быть не может, поскольку «не все знают, что о Ермаке у наших историков много грызни и ни одного солидного исследования»³⁸).

Отдельно следует сказать о том, что Бажов по-писательски ответственно относился к публикации собственных текстов в аспекте исторической достоверности: говоря о работе А. Н. Толстого об Иване Грозном, Бажов просит внести поправки «в тех местах уральских сказов, где Грозный или упоминается, или предполагается»³⁹. В этом же письме писатель отмечал: «...считаю допустимым и законным отражение в народе и неправильных концепций, но лучше все-таки исправить, если печатание не началось»⁴⁰. Такой подход был возможен в бажовских текстах благодаря жанровой форме, субъектная организация которой помогала писателю балансировать между собственной точкой зрения и потребностями читательской аудитории.

Таким образом, литературное творчество для Бажова является в равной степени как филологическим, так и историографическим делом: те самые детали, которые, по Бажову, писатель использует в художественном тексте, могут быть подмечены и верно введены в произведение только в том случае, если они соответствуют исторической правде как в аспекте реальной истории (в случае, если художественный текст претендует на реалистичное отображение эпохи), так и в плане культурного контекста (фантастические персонажи должны соответствовать истории края, о котором идет речь: в уральских сказах можно увидеть Великого Полоза, владеющего золотом, именно потому, что на Урале золото добывали).

СЫСЕРТЬ, ПОЛЕВСКОЙ И ЧЕРНОВИК К «УРАЛЬСКИМ БЫЛЯМ»

Теперь обратимся к записям, которые велись Бажовым по мотивам его собственной биографии и соответствующих перемещений. Говоря в письмах о Сысерти и Полевском, Бажов особо подчеркивал статус этих мест как образцов сохранившейся локальной истории: «Не забывайте, что Ваш район и особенно старый рудник имеют, [в] свою очередь, интересную и большую историю. По крайней мере, Вы не найдете ни одного крупного минералога с мировым именем, который бы не знал Гумёшевского рудника как самого богатого месторождения комкового малахита. С этой стороны даже мелкие детали по истории рудника и завода имеют большую ценность. Только надо брать это дело не в отрыве, а в том сочетании, которое имело прежде. Иногда вопрос, имеющий большое значение для Полевского завода, решался в Сысерти»⁴¹. В этом очерке наиболее ярко и полно воплотилась концепция взаимосвязи времени (истории) и места (географии): «мелкие детали по истории рудника» и формируют нарратив о нем, формируют его

³⁷ Там же. С. 407.

³⁸ Там же. С. 233.

³⁹ Там же. С. 135.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 175.

локальную историю и, таким образом, коллективную память, и поэтому их следует фиксировать и сохранять.

Упоминания о Сысерти и Полевском присутствуют и в «рабочих» записях — в фондах есть запись, которую мы атрибутировали как черновик очерка «Покос» из «Уральских былей» (см. табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление черновика и опубликованного варианта очерка «Покос»

Table 1

Comparison of the draft and the published version of the essay «Mowing»

Рукопись из фонда ⁴²	Опубликованный вариант ⁴³
Ежегодно в середине лета между Петровым и Успеньем приблизительно на месяц работы на фабриках прекращались. <i>Замолкал заводской гудок, затихал обычный днем и ночью гул и лязг фабрики, и только доменные печи, как всегда, продолжали дышать огнем и искрами. Непривычно тихо становилось на заводе. Жители ближайших к фабрике улиц теряли даже сон от непривычной тишины</i>	Ежегодно среди лета — на месяц, иногда на полтора — работа на фабриках прекращалась. <i>Замолкал гудок, затихал обычный шум и лязг фабрики, и только доменные печи продолжали дышать огнем и искрами. Непривычно тихо становилось в заводе. Казалось, что завод умер. И вечерами тянуло взглянуть на дыхание доменной печи, чтобы убедиться, что жизнь в фабричном городке все-таки есть. Отец, помню, терял от этой тишины сон и старался скорее уехать на покос</i>
В Сысерти в среднем при хорошей траве на покосном участке <ставили не выше?> 20–30 копен (на 150 пудов)	В Сысерти это были небольшие клочки, на которых при хорошей траве ставилось копен двадцать — тридцать (сто — сто пятьдесят пудов) сена
И там и здесь, кроме того, была возможность заготовки сена «по чаще» <нрзб.>, то есть по лесным полянкам и так называемым <i>росчистям</i>	Кроме того, у заводского населения была почти неограниченная возможность ставить сено по «чаще» и «росчистям»
<i>Случалось, конечно, что сено, скошенное с одной луж, удавалось убрать «без одной дожжинки»</i>	Случалось, конечно, что траву, скошенную с одного луга, удавалось убрать «без одной дожжинки», а другая попадала «под сеногной»

Ценность этой рукописи обусловлена в первую очередь тем, что, благодаря ее изучению, видна творческая история «Уральских былей»: от обезличенного повествования и обобщений («жители <...> теряли даже сон»; «тихо становилось на заводе») Бажов переходит к более очерченному образу повествователя («Казалось, что завод умер», «тянуло взглянуть на дыхание доменной печи», «Отец, помню, терял от этой тишины сон»). Бажов преподносит детали места и его истории так, что они, с одной стороны, оказываются частью коллективной памяти («заводское население»), но при этом не лишены субъективного начала повествователя.

БАЖОВ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

На страницах эго-документов проступает один из наиболее непроявленных эпизодов биографии П. П. Бажова — его скитания в тылах колчаковской армии во время Гражданской войны: тогда Бажов некоторое время жил в сибирском селе Бергуль в статусе новоприбывшего учителя. В «рабочей» записи и зашифрованном письме 1919 г. ярко фиксируются особенности этой локации, эго-документы иногда дублируют, а иногда дополняют информацию друг друга.

К таким локальным особенностям у Бажова будут относиться особенности речи старообрядцев и особенные имена, во многом материалы эго-документов лягут в основу автобиографической повести «За советскую правду. Из жизни Урмана». Например, в «рабочей» записи 1919 г. есть фиксации особых слов, привлечших внимание Бажова. Часть из этих слов будет использована в повести, причем чаще всего в контекстах, в которых присутствует метаязыковая рефлексия, репрезентируя пространство, в котором находится учитель Кирибаев (главный герой повести), как

⁴² ОМПУ КП 23195. Ф. 2. Оп. 3. Д. 221. Л. 1–2.

⁴³ Бажов П. П. Покос / Уральские были // Собрание сочинений: в 3 т. ГОД. Т. 3. С. 66–67.

«чужое». Например, в записи Бажова есть такие дефиниции: «Шабур — полукафтанье» и «Троху — немного»⁴⁴. В повести же присутствуют такие фрагменты: «Занятой казалась самая форма речи старика. <...> Тут же тяжело брякало сибирское: сутунок (отрезок тяжелого бревна), шабур (верхняя одежда)»⁴⁵; «Вот то-то “троху”... Запутаетесь в вашей строянке. Проводи, ребята!»⁴⁶.

В архиве Бажова сохранилось зашифрованное письмо, в котором писатель упоминает про бытовые детали жизни в Сибири, и фрагменты этого письма четко соотносятся как с текстом «За советскую правду. Из жизни Урмана», так и с «рабочими» записями: «...говор тоже мешаный: старорусское мост — пол, переплелось с сибирским сутунком, хохлацким — трошки, польским — жупаном, паперками и пр.»⁴⁷

Еще одной локальной особенностью Бажов считает имена. В «рабочей» записи мы видим список имен: Антарей, Амелько, Парафон, Афимка, Панас, Вустя, Кумида⁴⁸ и др., в то время как в письме будущий писатель дает им более развернутую характеристику: «Даже в именах царит смесь: наряду с хохлацкими Омельками и Панасами — какие-то необыкновенные Антарей, Парафоны»⁴⁹. Важными для истории деталями конкретного места — «на севере Каинского уезда в глухом урмане» — Бажов считает «патриархальную дешевизну жизни» и уклад жизни старообрядцев в целом.

Несмотря на то, что письмо имеет очевидную практическую ценность — с помощью шифра сообщить жене адрес для корреспонденции — и в нем есть место рассуждениям о ходе истории и происхождении путаницы касательно происхождения местных старообрядцев: «Это переселение с севера на юг и с юга на север сделало свое дело, и теперь, говорит, не разберешь, кто они»⁵⁰. Такая детализация в письме не случайна: если после окончательного установления советского режима у Бажова уже есть возможность вести и записи «для себя», и письма «для других» (поэтому он тяготеет к обобщению в письмах и детализации в записях), то в случае с документами времен Гражданской войны ситуация сложнее: жизнь под вымышленной фамилией и говорение о себе только в третьем лице (Бажов в письме называет себя «Николкой Бахтеевым») оставляет для письменной фиксации только форму письма, и то — зашифрованного.

БАЖОВ НА РУДНОМ АЛТАЕ

Еще один эпизод биографии Бажова — жизнь на Рудном Алтае с июля 1919 г. по май 1921 г., когда он ведет подпольную работу по организации партизанского формирования, а позднее редактирует газету «Известия Усть-Каменогорского уездного революционного комитета» (позднее — «Советской власти»). В качестве заведующего отделом народного образования Бажов руководит организацией школ, народных домов и крестьянских классов, национального женского училища в селе Катон-Карагай, мусульманской драматической труппы и детского драматического театра. Этот период жизни Бажова мы знаем, главным образом, со слов воспоминаний современников, в частности — Николая Анова и Николая Рахвалова. В их текстах особое внимание уделяется именно факту подпольной работы Бажова под фамилией Бахеев: «Я не встречался с автором сказов “Малахитовая шкатулка”, писателем П. П. Бажовым, на Урале. Я знал Павла Петровича Бахеева на Рудном Алтае, в городе Усть-Каменогорске, где он прожил с июля 1919 года по конец апреля 1921 года»⁵¹.

Писем тех времен не сохранилось, однако «рабочая» запись в архиве все же есть — мы можем датировать ее октябрем 1920 г. Этот эго-документ достаточно разнороден, в нем присутствует самая разная информация: от «словарных» записей, ориентированных, вероятно, на казахский язык («Берека = помощь, Кари-чигын = Чер. Расход»⁵²), до перечисления населенных пунктов восточного Казахстана:

⁴⁴ ОМПУ КП 11218_536. Л. 4.

⁴⁵ Бажов П. П. За советскую правду. Из жизни Урмана // Собрание сочинений: в 3 т. ГОД. Т. 3. С. 225.

⁴⁶ Там же. С. 223.

⁴⁷ Бажов П. П. Письма... С. 28.

⁴⁸ Имя персонажа сказа «Дорогой земли виток» — «рослая старуха» Кумида.

⁴⁹ Бажов П. П. Письма... С. 28.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о П. П. Бажове / сост. В. А. Стариков. М., 1978. С. 90.

⁵² ОМПУ НВФ 8102. Ф. 2. Оп. 3. Д. 220. Л. 10. Об.

Семипалатинск —	
Озерки	18
Талица	22
Шульба	25
Пьяный Яр	35
Убинка	17 ⁵³ .

Такие разрозненные записи могли быть связаны с тем, что у Бажова под прикрытием была «роль» страхового агента: «Никому в голову не могло прийти, что свободно разъезжающий страховой агент ведет незаметную, но важную подпольную работу, лишь попутно страхуя от пожаров имущество, посеvy, скот, строения»⁵⁴. Приведем пример записей Бажова-Бахеева, которые могут быть связаны именно с этой деятельностью:

«Данные о посевной площади прошлого года уничтожены белогвардейцами.

По опред. контр. комиссии 6 копен по 16 ф. пшеницы

3–4 копны по 17 фунтов — овес

10 копен по 24 — ячмень»⁵⁵.

19 октября 1920 г. Бажов был назначен особоуполномоченным уездного продовольственного комитета, в «рабочей» записи есть дата — 23 октября. В блокноте есть списки, которые могут быть связаны именно с этой деятельностью будущего писателя:

1) Положение партии сравнительно с прежним.

2) Комитет 27 августа.

3) Положение уезда, его особенности.

4) Трещины Комит. работы.

5) Примеры действия: школа, районирование⁵⁶.

Фиксировать такой подробный массив данных разного плана (от «словарных» заметок до посевной площади) Бажову было важно не столько из практических и «сиюминутных» целей (вероятно, информация была полезна ему как редактору «Советской власти»), сколько из желания зафиксировать то, что в скором времени может быть утрачено (не случайно Бажов указывает, что прежние данные были «уничтожены белогвардейцами»).

ПУТЕШЕСТВИЯ БАЖОВА-ЖУРНАЛИСТА

Еще один блок записей с географической привязкой — записи о работе в Ирбитском районе в качестве журналиста. «От работы в “Крестьянской газете” у меня остался довольно обширный личный архив всякого рода записей, выписок, вырезок и т. д., которые делались в установке на истории деревни переходного периода. Материал этот не систематизирован, не разобран и представляет известную ценность лишь при жизни автора записей, так как разобрать эти журналистско-кустарные сокращения для другого почти равносильно разбору клинописи»⁵⁷. Эти записи во многом послужили черновым материалом к текстам, которые Бажов «по горячим следам» публиковал в «Крестьянской газете». Большой пласт записей связан прежде всего с Ирбитом, упоминаются такие города, как Сарапул, Тавда, Калата, а также деревни Любино, Первунова, Талица, Касли, Егоршино, Талый Ключ.

В одном из блокнотов, на обложке которого находится надпись «Участнику II Ирбитского Окружного Съезда. С.-Х. Совета», есть сведения о деревнях Любино, Первунова, Касли, Егоршино и Талый Ключ. Частично этот блокнот становится черновиком к статье 1926 г. «Передовая деревня» о д. Любино в газете «Колос»⁵⁸. Открываются эти записи бессистемными, на первый взгляд, сведениями, той самой «клинописью», о которой в письме к Березину писал Бажов:

⁵³ Там же. Л. 29.

⁵⁴ Мастер, мудрец, сказочник... С. 32.

⁵⁵ ОМПУ НВФ 8102. Ф. 2. Оп. 3. Д. 220. Л. 30.

⁵⁶ ОМПУ НВФ 8102. Ф. 2. Оп. 3. Д. 220. Л. 31.

⁵⁷ Бажов П. П. Письма... С. 89–90.

⁵⁸ Бажов П. П. Передовая деревня // Колос. 1926. № 4. С. 14–15.

23/XII-25 Любина

Воинков Никол. Павл. — предсельсовета.

Воинков Сер. Фил. — пред. правл. артели.

Воинков Вас. Павл.

Воинков Дмтр. Вас. — счетовод артели.

Воинков Влад. Ив. — член ревк[омитета?]

35 хозяйств из 54

с-хоз артель «Победа»⁵⁹

С посевом от 2 до 4 — 11 хоз.

4–8 — 19 хоз.

8–15 = 5 хоз. _____

35

Безлошадных — 4

с 1 лош — 14

с 2 л. — 14

с 3 — 3⁶⁰

С 1 коровой — 20 хоз.

2 — 10

3 — 5⁶¹

На первый взгляд, непонятно, зачем Бажов записывает в столбик сразу нескольких однофамильцев, но в опубликованной статье «По новому пути» (1928) это оформится в отдельный сюжет: «Деревня Любина, а живут в ней чуть не все Воинковы. Очевидно, выходцы из находящейся в 1 клм. д. Воинковой»⁶². Далее по тексту Бажов не раз будет акцентировать внимание читателя на этом факте, который так кстати был отражен в «рабочих» записях. Артель «Победа» также упоминается в опубликованном варианте указанной статьи, более того, некоторые количественные данные, записанные Павлом Бажовым, напрямую переходят в публикуемый текст, но, конечно, не полностью. Бажов не фиксирует такие подробности в письмах и, как правило, ограничивается лишь упоминанием конкретной локации, как это было, к примеру, с д. Люблино, ее писатель упомянет в письме к жене от 1928 г.: «Завтра — 24 — собираемся с утра поехать в Любину. Едем втроем: представитель Облзу Фёдоров, инструктор окружка Твердохлебова. Есть опасение, что в Любиной не застанем мужиков дома — они на покосе, верст за пятнадцать. Придется, видимо, и туда съездить»⁶³.

«Рабочие» записи, при всей их разрозненности и, на первый взгляд, бессистемности, оказываются более информативным источником: в письмах отражается лишь определенная выборка, которую Бажов считает важным упомянуть в контексте диалога с адресатом.

Выводы

1. В «рабочих» записях и письмах П. П. Бажова прослеживается четкая концепция взаимосвязи *времени* и *места* — историческая точность и цельность нарратива, с одной стороны, формирует локальную историю, и, с другой стороны, детали, фиксируемые во время перемещения в пространстве, во время путешествий, и создают художественный текст, соответствующий исторической правде. Если письмо как жанр накладывает на пишущего ограничения (интересы адресата, определенный объем, интенция пишущего, контекст переписки) и частично и во многом обобщенно выражает точку зрения пишущего, то «рабочие» записи становятся своеобразной

⁵⁹ См. в той же публикации «Передовая деревня»: «С утра пришел председатель сельсовета и председатель правления артели «Победа». Оба Воинковы. <...> От школы идем в контору артели «Победа». Там теперь главный организационный пункт нового деревенского хозяйства».

⁶⁰ В публикации 1926 г. приводятся аналогичные данные, но с другими показателями: «Безлошадных — 2 хозяйства, с одной рабочей лошадей — 15, с двумя — 13, с 3 — 6, с 4 и более 4 лошадей было в 5 хозяйствах. «Работники, занятые в земледелии», отмечены тоже в пяти хозяйствах».

⁶¹ Последние три строки напрямую соотносятся с таблицей, которую Бажов приводит в статье «Передовая деревня».

⁶² Бажов П. П. По новому пути (из опыта уральской деревни) // Уральские были. 1951. С. 159.

⁶³ Бажов П. П. Письма... С. 37.

базой данных, которая и является основой для суждений. Следовательно, «рабочие» записи как документ «для себя» мы можем рассматривать если не как «творческую лабораторию» писателя, то как его «рабочий кабинет».

2. В эго-документах представлены различные аспекты биографии Бажова, многие из которых не актуализированы в инфополе вокруг писателя: это записи и журналиста, и преподавателя, и подпольного политического деятеля. Их объединяет главное: вне зависимости от периода жизни Бажов обнаруживает явную тягу к фиксации каждой детали, которая его окружает — и количественные данные, и упоминание географических объектов, и погружение в историю места, в котором он оказывается. Следовательно, «рабочие» записи — не столько черновики, созданные под замысел конкретных текстов, сколько наоборот: для Бажова такие записи — окружающий мир в текстовой форме, из которого позднее рождается и журналист, и преподаватель, и писатель. Бажов четко ощущает потребность этот мир зафиксировать и таким образом сохранить.

3. Если биография как *интерпретация* сторонними лицами предполагала трактовку образа Бажова как уральского «гения места», то сам писатель в эго-документах «для себя» («рабочие» записи) и «для других» (письма) не акцентирует на этом внимание: ему важнее воплотить концепцию комплементарности места и его истории в художественном и/или публицистическом тексте — это его биография как высказывание («человек путешествующий», «историк и сказочник»). Образ «гения места» находит свое воплощение в текстах Бажова, но только в том случае, когда Бажов пишет не про себя, а про других.

References

Litovskaya M. A. [Image of P. P. Bazhov in the Modern Russian Media: A Biographical Turn]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2020, vol. 22, no. 2 (198), pp. 138–150. EDN: LCPAFI. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.2.028 (In Russian).

Litovskaya M. A. [Letters and “Working Notes” of P. P. Bazhov: Does a “Throw-In” of Ego-Texts Change the Legendary Biography of the Writer?]. *Ego-dokumenty: Rossiya pervoy poloviny XX veka v mezhistochnikovykh dialogakh* [Ego-Documents: Russia of the First Half of the 20th Century in Inter-Source Dialogues]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy Publ., 2021, pp. 119–143. (In Russian).

Lotman Yu. M. *Aleksandr Sergeevich Pushkin. Biografiya pisatelya: posob. dlya uchashchikhsya* [Alexander Sergeevich Pushkin. Biography of the Writer: A Textbook for Students]. Leningrad: Prosvetsheniye Publ., 1983. (In Russian).

Lotman Yu. M. [Biography as Art]. *Arzamas*. Available at: <https://arzamas.academy/materials/2388> (accessed: 20.03.2025). (In Russian).

Nikulina M. P. [On Land Matters and Secret Power... (On the Distant Origins of P. P. Bazhov's Ural Mythology)]. *Filologicheskiy klass* [Philological Class], 2003, no. 9, pp. 76–81. EDN: PYGHJN (In Russian).

Tomashevsky B. V. [Literature and Biography]. *Kniga i revolyutsiya* [Book and Revolution], 1923, no. 4 (28), pp. 6–9. (In Russian).